

Миссия Фопперти и другое внезапное исчезновение

Несколько дней после того, как Фопперти Педлар поселился в своем новом Билликинском жилище, солнце взошло со своей обычной аккуратностью и, осветив многочисленных обитателей сего разнообразного владения, нашло головы их переполненными самыми различными идеями.

Маленькая Роза, которая с каждым днём делалась грустнее и бледнее, сделала в это утро открытие. Долго сидела она у окна в ожидании Билликинского завтрака, приплюснув свой хорошенький носик к стеклу и уныло раздумывая об чем-то очень серьёзном, как можно было то предположить из ее общего вида озабоченности. Наконец, она глубоко вздохнула и решилась сознаться самой себе, что вся ее грусть происходит от того, что не было ни слуху ни духу о ее столь смешном, по ее прошлым понятиям, нареченном женихе сироты, «бедном Эдди!».

Почтенная Мисс Туинкельтон, которая во все эти последние дни размышляла, как бы можно было получше и деликатнее подать в отставку Мистеру Грейджиусу и, тем возвратя себе свободу действия, немедленно вернуться в классическую обитель «Дома Монахинь», где ожидало её столько голодных и жаждущих вкусить от плодов науки – под личным надзором этой ученой лэди – девиц, сидела за утренним туалетом и, совершая в молчании сие необходимое жертвоприношение грациям, развивала папильотки, раздумывая о покинутой ею подобострастной вдове, страдающей слабостью спинной кости.

И так, обе дамы молчали, сидя очень смиренно в то утро в туалетной комнате.

Но если солнце действительно правдиво в записях хроники своей и содержит точный дневник о земных происшествиях, приносимых ему посланниками, лучами сего светила, каждый вечер, то в записных книгах его непременно найдётся заметка о том, как Мистер Фопперти, вернувшись накануне домой и чувствуя себя далеко несолидно стоящим на ногах, старался попасть в свою постель, попадая каждый раз под туалетный стол, где и, завязнув окончательно в последней попытке головою в помойном ведре, предался, наконец, своей участи, проснулся поутру в таком туманном расположении духа, что долго не сознавал своего необыкновенного положения, тупо стараясь разгадать, что такое освещало пол его жилища – солнечное ли сиянье или же свет от горящей в комнате свечи.

Мало-помалу, однако же, идеи его начали проясняться и, убедившись в том, что на дворе был день, а не ночь, сей джентльмен решил, что встанет через пять минут, и с этим, добравшись до кровати, снова улёгся и уснул. Проснувшись внезапно, он нашел, что пять минут превратились в три часа, и на этот раз, побуждаемый голосом желудка, он, пошатываясь и потягиваясь, оделся, решив тотчас же идти отыскивать Мистера Грейджиуса.

Но пока вернёмся к Розе. Туалет Мисс Туинкельтон окончен, и Роза снова подходит задумчиво к окну и смотрит на улицу, кипящую деятельностью. Так стоит она, рассеянно барабаня пальчиками по стёклам. Тоска сжимает ее маленькое сердце в это утро более обыкновенного. Словно предчувствует оно какое-то новое несчастье впереди, хотя, по ее понятиям, ничего не могло бы случиться худшего, чем оно и есть; но всё-таки оно медленно и тоскливо бьется в груди ее, и чувство это делается, наконец, столь сильно, что она всеми силами¹ начинает желать, чтобы хоть скорей пришел «добрый, милый Мистер Грейджиус». Но сердце «Угловатого» не так восприимчиво еще, чтобы таинственно сознавать в себе её желанье на таком расстоянии, и Роза делается всё скучнее.

Неожиданно решившись, Роза оборачивается, объявляя Мисс Туинкельтон, сидящей за работою у другого окна, что она идёт посетить своего опекуна.

Почтенная надзирательница, которая, находясь в ту минуту в *не* классном состоянии жизни, погрузилась было совсем в мечтательные гипотезы об «бедном, глупом Мистере Портере²», вздрагивает и слабо протестует против такого самовольного образа действий, но так слабо, что маленькая Роза имеет право считать подобный протест за ничто или же только за слабое

---

¹ Далее зачеркнуто: *жела*.

² Портерс (*англ.* Porters).

воспоминание со стороны ее бывшей наставницы о самовластных законах, диктуемых ею в «Доме Монахинь».

Поэтому Роза отправляется наверх и, одевшись для прогулки, сходит еще раз вниз, замечая мимоходом Мисс Туинкельтон:

«Я только немного прогуляюсь, если не найду Мистера Грейджиуса дома, и вернусь как раз к завтраку».

Мисс Туинкельтон провожает её глазами и, принимая меланхолично-смиранный вид, утвердительно махает головою, как бы желая сказать:

«Бразды правления выпали у меня из рук в отношении вас, моя милая, поступайте, как знаете».

И снова возвращается мысленно к нетерпеливо ожидающему её «Мистеру Портеру».

Несколько минут после ухода Розы, Фопперти, туалет которого сильно заявляет, несмотря на старательный процесс очищения, о вчерашнем препровождении времени, также вышел из дому и направился прямо к Степл-Инну с твердым намерением познакомиться с Мистером Грейджиусом вне веденья этого джентльмена. Заложив руки в карманы и быстро шагая по тротуарам, он шел прямо к цели, не позволяя себе прельщаться на этот раз заманчивыми вывесками кофейной по дороге.

Случилось так, что в самое то время, как Фопперти подходил к *П.Ж.Т.*, раздумывая о необходимости предлога для знакомства, Мистер Грейджиус выходил из своих комнат, подозрительно осматриваясь вследствие сознаваемой им необходимости быть постоянно настороже против «Музыкального Друга» своего.

Взглянув на Фопперти, он тотчас же узнал особу, виденную им несколько дней до того в обществе Джаспера.

Быстро составив себе план действия, Мистер Грейджиус остановился и стал следить за посланным, не спуская с него глаз.

Фопперти, мало знакомый с местностью, подошел сперва к старинному памятнику *П.Ж.Т.* и поглазел на него с таким видом, как бы он ожидал от него более сведений, нежели получил о разыскиваемом им джентльмене; постояв в нерешительности, он вернулся к калитке Фёрнивальской Гостиницы, потом опять медленно стал направляться к привлекающему его, словно под влиянием мезмерического³ очарования, *П.Ж.Т.*, когда кто-то дотронулся до его руки, и Фопперти увидал стоящего перед ним сухого, небольшого ростом человека с полиняло-желтыми пучками волос, торчащих из-под шляпы, и деревянной улыбкой на лице.

«Ищите кого-нибудь?» – вопрошает фигура.

Мистер Фопперти вследствие неожиданности закатывает глаза так глубоко вовнутрь, что Мистер Грейджиус серьезно ожидает⁴ увидеть их у него на затылке, и грубо отвечает:

«Когда бы не искал, так не шлялся бы здесь попусту».

«Так, так! – замечает Грейджиус. – Я бы мог сам догадаться об этом, когда бы подумал только, зная, как мало кого может привлечь Стэпл-Инн вне необходимости».

«А вы знаете кого из живущих здесь, что ли?» – осведомляется Фопперти подозрительно.

---

³ месмерического.

«Месмер Фридрих Антон. Знаменитый целитель, который вновь открыл и практически применил тот магнетический флюид в человеке, который называли животным магнетизмом, а с того времени – месмеризмом. Он родился в Швабене в 1734 г. и умер в 1815. Он был посвященным членом Братств *Fratres Lucis* и Лукшура (или Луксора), египетского ответвления последнего. Именно совет “Луксора” избрал его – согласно указам “Великого Братства” – для действия в XVIII столетии в качестве их очередного первопроходца, посылаемого в последней четверти каждого столетия для просвещения небольшой части западных народов в оккультном знании. Именно Сен-Жермен наблюдал за развитием событий в этом случае; а позднее Калиостро был послан для содействия, но после совершения ряда ошибок, более или менее роковых, он был *отозван*. Из этих трех людей, которые сперва считались шарлатанами, Месмер уже реабилитирован. Оправдание двух других последует в следующем столетии. Месмер основал в 1783 г. “Орден Всемирной Гармонии”, в котором, как полагают, учили лишь животному магнетизму, но на самом деле в нем разъясняли учение Гиппократа, методы древних *Асклепиев*, Храмов Целения, и многие другие оккультные науки» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1998. С. 260–261).

⁴ Далее зачеркнуто: *их*.

«Да, немножко знаю-таки, то есть, правильнее сказать, веду знакомство с некоторыми. А кого вы именно ищите?»

Фопперти опять пойман врасплох, но, не желая высказываться, немедля отвечает:

«Лоусона⁵».

«Лоусона! – восклицает Мистер Грейджиус. – Его-то я хорошо знаю, даже приятель с ним некоторым образом. Славный малый и очень острая штука вместе с тем... Но мне кажется, что в вас есть... некоторое сходство с Лоусоном, как будто бы... Не родственник ли вы ему?.. Пойдёмте со мною; он сосед мой в этом доме, и старый сосед. Я проведу вас к нему».

Оказывается теперь, что Фопперти выторговал себе более, нежели ожидал, и поэтому стоит неподвижно в большей нерешимости еще, чем прежде.

«Что ж вы не идете?» – добродушно осведомляется услужливый джентльмен.

Фопперти решается рискнуть, мысленно приговаривая выказать сильное ощущение обманутого ожидания пред особою мифического Лоусона, и отделаться на месте заявлением, что он не тот Лоусон, которого он ищет. Спутник его идет впереди, указывая дорогу, и, дойдя до двойного коридора, отпирает дверь и ведёт Фопперти прямо в комнаты Грейджиуса.

«Садитесь, – произносит последний, внезапно переменяя тон, – я не вижу здесь пока Мистера Лоусона, но надеюсь, что мы и без него обойдёмся», – и повернув ключ в двери, он вынимает его и кладёт к себе спокойно в карман, насмешливо поглядывая на атлетического, мрачного молодца, следящего за ним с разинутым ртом.

«Теперь мы можем спокойно объясниться, – продолжает невозмутимо Грейджиус, усаживаясь на свое кресло возле камина. – Я привёл вас сюда, как очень легко понять, не с какою-нибудь дурною целью. Я стар и слаб, вы же молоды и вдесятеро сильнее меня, к тому же, как вам легко самому убедиться, мы одни. Единственная моя цель состоит в том, чтобы откровенно разузнать от вас, какого рода сведения должны вы передать известному нам обоим негодяю? И сколько вышеупомянутый негодяй обещал вам за то?»

Фопперти так сильно озадачен этим вступлением, что можно подумать, что его язык последовал примеру глаз и что оба эти члена исчезли внутри головы.

«Может быть, – снова говорит Грейджиус, – вам самому еще малоизвестно, насколько вышереченный негодяй заслуживает этого имени. Неужели вы согласились помогать ему в преследовании несчастного юноши, который без того страшно пострадал от жестокой ненависти всё того же негодяя?»

Глаза Фопперти, выглядывая из-под нахмуренных бровей, пристально устремляются на говорящего, но сам Фопперти продолжает безмолвствовать. И Мистер Грейджиус после небольшой паузы снова начинает:

«Вероятно, вы удивляетесь тому, что мне так хорошо известны все действия ваши и кем вы посланы сюда с целью разыскать жилище некоего юного джентльмена по имени “Ландлесс”. Но так как трудно и вместе с тем напрасно было бы вам отпираться,⁶ то, по моему мнению, чем скорее мы поймём друг друга, тем лучше, так как я уверен в том, что у вас лично нет никакой цели в преследовании Мистера Ландлесса. И так, свернув прямо к вашей матерьяльной выгоде, постарайтесь тотчас же сообразить, что для вас выгоднее: получить ли известную плату за услуги ваши от... “негодяя”, или же вдвое более от меня, какая бы ни была эта сумма, за ваши услуги мне?»

И, бросив так хитро закинутую удочку в самую глубь души Фопперти, Мистер Грейджиус умолкает, хладнокровно продолжая вертеть большими пальцами в ожидании той минуты, как рыба клюнет, чтоб развить далее свой глубоко дипломатический план.

По причинам, которые будут объяснены к концу этой главы, Фопперти глубоко ненавидел Джаспера. Взявшись за это неприятное для него дело, Педлар действовал единственно в видах денежного вознаграждения, побуждаемый своей глубокой нищетой; и долго еще до встречи с Грейджиусом решил он себе в уме, что если ему и удастся открыть квартиру Невилля, то что он, во всяком случае, предупредит его заранее об угрожающей ему опасности и тем помешает, быть

---

⁵ Англ. Lawson.

⁶ Далее зачеркнуто: *в*.

может, Музыкальному Учителю в совершении задуманного зла. Поэтому не удивительно, если он с готовностью принял предложение старого джентльмена.

«Вы говорите резонно, сэр, – решается он заговорить в первый раз, – и метко попали прямо в цель; ваши слова мне по сердцу и я готов служить вам, если – мы только сойдёмся в цене», – добавляет он с лёгкой запинкою.

«Надеюсь, что сойдёмся», – лаконически отвечает Грейджиус.

«Ну, а как же могу знать я, примерно, что вы не выдадите меня Джасперу или не одурачите меня каким-либо другим манером?» – спрашивает по размышлении Фопперти, возвращаясь к прежней подозрительности.

«Потому что если я доверяюсь вам, то и вы можете мне довериться, – отвечает Грейджиус. – А так как мой прямой интерес состоит в том, чтобы Джаспер не имел бы против вас ни малейшего подозрения, что сейчас и будет доказано вам ясно мною, если мы сойдёмся, то вам и нечего бояться. Что ж?.. Принимаете ли вы мое предложение?»

«Принять-то принимаю, только вперёд говорю, не ожидайте вы многого от меня, потому что Джаспера трудно провести за нос, и дело-то всё окажется не так легко, как вы думаете».

«Вывожу из вашего замечания то заключение, что вы давно знакомы с Джоном Джаспером. Не скажете ли вы мне, как давно?»

«Семь или восемь лет, только в последние два года мало встречались».

«И так, зная его, как вы знаете, не скажете ли вы мне также откровенно, как вы полагаете, хороший ли в сущности он человек или же нехороший?»

Глаза Фопперти исчезают⁷ на минуту для интимной конференции с головой и, появляясь снова, он произносит медленно и отчётливо:

«Чертовски подлый и мерзкий!»

«А! – спокойно замечает Грейджиус. – Стало быть, наши мнения бесподобно сходятся. Ну, а если бы я вас попросил рассказать мне кое-что о прошлом нашего друга, столь – чертовски – мерзкого? Ответите ли мне?»

И, поднявшись с кресла, он вынимает из бюро десятифунтовую ассигнацию в виде материального прибавления к выраженному желанию.

«Что ж, сэр, – отвечает собеседник его, косясь на деньги, которые Грейджиус положил возле себя на самом видном месте. – Пожалуй, что знаю, то и расскажу, только немного будет вам из того выгоды. Дело ведь давно прошедшее».

«Начинайте, прошу вас, – замечает Грейджиус, – всё, что ни касается до нашего приятеля, интересует меня».

И проведя рукою по лицу от самой макушки до подбородка, любопытный джентльмен готовится слушать со вниманием, то есть разом превращается в каменное изваяние и, уставив глаза в пространство, остается неподвижным.

Повторим вкратце рассказ Фопперти.

Восемь лет тому назад Педлар переехал жить с овдовевшей матерью в Лондон, и они поселились в третьем этаже старого дома за одним из темных углов Дрюри-Лэна⁸. В это самое время там жили в нижнем этаже дочь с матерью по имени Трендерс. Они были чрезвычайно бедны, существуя одной работою дочери, которая шила с утра до ночи, но и это едва помогало им избавиться от голодной смерти. Девушке было лет восемнадцать, и она, по словам Фопперти, была настоящей красавицей и «лэди» с головы до ног. Когда-то Трендерсы были в лучшем положении, но едва дочери ее минуло десять лет, как сперва умер отец, а потом старший сын старухи, который был моряком на хорошей дороге⁹ и помогал им по мере возможности, уехал в Индию и, судя по всему, погиб во время бури вместе с прочими. Во всяком случае, он никогда не возвращался. Несколько времени спустя обоюдного знакомства двух семейств Педлары узнали от старухи об отчаянном положении Бетси и о причине оною. Несколько месяцев до переселения их в этот дом молодая девушка познакомилась с очень молодым человеком, называющим себя Дональдом и

⁷ Далее зачеркнуто: *для*.

⁸ Дрюри-Лейн (*англ.* Drury Lane) – лондонская улица.

⁹ Быть на хорошей дороге (*иноск.*) – повышаться по службе, делать карьеру.

который должен был жениться на ней тотчас же по приискании себе приличного места. Место, однако же, не являлось, и свадьба откладывалась день от дня.

«Часто видал я этого молодца, – рассказывает Фопперти, – и всякий раз замечал я, будто он чего-то опасается, входя и выходя из дома. Словно он боялся, чтобы не узнал его кто».

И Мистер Фопперти задумывается.

«Продолжайте», – напоминает ему Грейджиус.

«Вспоминаю я про один несчастный для многих день, сэра, – начинает опять Фопперти, – и хоть я был чужим для них человеком, а и меня жалость взяла, гляючи на бедную девушку. Выходя раз из дому, я остановился на площадке, услышав как будто плач, да такой тихий и жалобный; слышу я, как голос, который я тотчас же признал, говорит кому-то, стоящему с нею у дверей: “Дональд, мой Дональд, это вопрос теперь – жизнь или смерть для меня, выбирай одно из двух, мой дорогой, но помни, что стыд убьёт меня... Почему не можем мы быть обвенчаны завтра же?” Слышу я ответ мушины, и ответ этот обещает беспрерывно всё кончить на другое же утро. А Бетси всё плачет да плачет, так я и ушел. Только верьте, сэра, что я тогда же смекнул, что коли обманет её этот человек, то недолго она проживет на свете, бедняжка... Выходя, мы столкнулись с ним у дверей, он покосился на меня, а я на него. Я видал его тогда в первый раз, но одного взгляда на него было мне достаточно, чтобы никогда не забыть более этого человека.

Утром на другой же день Трендерсы перешли жить еще ближе к нам и взобрались под самую крышу возле нас; видно, дорого стало для них жить внизу. Проходит неделя, другая, а этот Дональд и весточки о себе не подает. Слышу я каждую ночь, как плачет да стонет Бетси, и жаль мне её, да помочь не могу. В одну ночь разбудили меня стоны хуже прежних и, продолжаясь всю ночь, не давали заснуть ни мне, ни матери моей... Наутро приходит к нам старуха и, глядя на нас словно полоумная, говорит, что в ночь Бог послал ей внучку; мать сошла вниз, чтоб помочь им, как могла, и, вернувшись, стала рассказывать, что Бетси крепко больна, а старуха бегаёт и бормочет про себя, как будто с цепи сорвалась, проклиная и себя, и Дональда.

Оставались мы в доме том недолго после этого, и слышал я только то, что он приходил всего один раз и предлагал им денег, но что старуха должна была взять их от него тихонько от дочери, так как Бетси не хотела и слышать о них и его самого отказалась видеть и не впустила в комнату, где совсем помирала и от болезни, и от голоду. Мы переехали, и я потерял мать и дочь из виду на целых три года».

Фопперти снова остановился и угрюмо глядел на ковер.

«Отдохните, не торопитесь, – замечает Мистер Грейджиус, когда тот, приподняв голову,¹⁰ хотел заговорить. – Хоть я весьма желаю узнать конец этой грустной, хотя обыкновенной и обыденной, если смею так выразиться, истории, и желал бы поближе познакомиться с этим, как его, Дональдом, но вы должны отдохнуть и постараться не забывать ни малейшей подробности».

И Мистер Грейджиус снова погружается в кресло, принимая вид Египетского Сфинкса.

«Чего там забывать, – отвечает исполин, – такие происшествия нетрудно удержать в памяти. А только вот думал я теперь об этом Дональде и вспоминал, как он еще тогда показался мне хитрой и лукавой штукой, и как я уверился несколько лет спустя, что он был еще хитрее и лукавее, чем выглядывал. Но слушайте конец, сэра.

Мы давно уж совсем было забыли о Трендерсах, когда пришлось мне раз проходить мимо нашей старой квартиры и что-то так и толкнуло меня зайти да узнать, что с ними сделалось за это время и живы ли они. На пороге, как помню, стояла женщина и я спросил её, живут ли в доме такие-то. “Живут, – говорит она в ответ, – только что-то плохо им приходится, молодая умирает, коль уж не умерла, а старуху соседи кормят из сожаления, не то давно бы она отправилась”. “А ребёнок”, – спрашиваю я. “Ребенок, – говорит, – внучка старухи, такой ангелочек, что все постояльцы без ума от нее, и хоть про неё и ходят слухи, что будто бы она незаконное дитя, да в таком случае не она виновата, а отец, которому бы я желала голову открутить, так как должно полагать, что он страшный негодяй и заслуживает умереть на виселице”».

---

¹⁰ Далее зачеркнуто: *снова*.

«Так, так!», – внезапно прерывает Мистер Грейджиус и, вскакивая с места с радостным восклицанием, начинает быстро бегать по комнате, потирая руки и издавая такие странные звуки, что Фопперти смотрит на него с невыразимым удивлением.

Через минуту почтенный джентльмен возвращается на свое место и снова привинчивается к нему, сделав Фопперти знак рукою продолжать.

«Услышав это, я отправился прямо наверх и, найдя дверь полуоткрытою, вошел. Старуха сидела среди комнаты и, захватив колена руками, качалась взад и вперед, тараща безумные глаза свои на лежащую на кровати Бетси. Подошед ближе, я увидел то, что заставило бы растаять бесчувственный камень, если бы камни могли таять, сэр... Прямо перед глазами моими лежала мёртвая девушка, худая и бледная, но красивее еще, чем во время жизни. И на руках ее, теребя покойницу за лицо и глядя ей щеки, возилась девочка лет трёх и рас[с]талась разбудить её.

Верьте, сэр, – продолжает Фопперти, и взор его горит злобою, в то время как что-то очень похожее на слезу искрится в глазах этого свирепого на вид атлета, – верьте, сэр, что хотя оно и больно видать такие вещи, но оно и полезно, вместе с тем, иногда. До той поры я, прости Господи, не чувствовал ни разу, что над нами есть Бог, и хоть я и после того дня не мог похвастаться, что перещеголял *Постола*¹¹ Павла¹², да зато воспоминанье об этой страдальце удержало меня много раз от худых дел впоследствии. Даже теперь, говоря вам об ней, так оно и колет меня под сердце!»

И Мистер Фопперти колотит себя в грудь. «Угловатый», подпрыгнув еще раз на кресле, вскакивает и потрясает рассказчика за обе руки, приговаривая, что он рад видеть подобные чувства в нём.

«Они облагораживают человека, – говорит Мистер Грейджиус, – и я весьма благодарен вам, мой милый незнакомец, за то, что вы открываете мне эту часть вашей человеколюбивой природы, так как это служит верным доказательством тому, что много есть зародышей, – если смею так “угловато” выразиться, – в вашей мужественной груди, которые могут развиться в великие добродетели, если только за ними будет хороший уход».

Достойный обитатель *П.Ж.Т.* говорил искренно. Не говоря о том, что эти признаки честнейшей, чем он сперва предполагал, натуры, подавая ему смутные надежды на будущее, вселяли в него больше доверия к эмиссару Джаспера, они действительно говорили в пользу Фопперти; и когда Мистер Грейджиус открыл к изумлению своему, что под этой матерьяльной грубой оболочкой билось человеческое сердце, он почувствовал необыкновенное облегчение.

Фопперти продолжал:

«Постаравшись утешить, насколько я мог, бедную старуху, я вернулся домой и, рассказав матери о случившемся, отправил её на другой день позаботиться о похоронах. Небогатое было погребение, сэр, – кроме старухи да нас с матерью не было ни души.¹³ Адское чудовище, бывшее всему причиною и принесшее столько горя и отчаяния покойнице и матери ее, не показалось даже. Нет! Дональд Ренлоу осторожно остался в стороне. Да и хорошо сделал, – добавил Педлар, ударив кулаком по столу, так что всё в комнате подпрыгнуло. – Тогда...»

«Стойте, стойте на минуту, – прерывает Грейджиус, схватив поспешно карандаш и бумагу, – пока я запишу это имя. Кончено, – добавляет он, складывая бумажку и тщательно пряча её. – Теперь продолжайте, прошу вас».

«Вопрос состоял в том, что могло быть сделано после похорон для полусумасшедшей старухи и беспомощного ребёнка. Ясно было для нас, что если никто не поможет им, то для них не было другого исхода, кроме голодной смерти или богадельни. Старуха начала молить нас взять ребёнка, обещаясь постараться отыскать какую-нибудь работу и помогать нам. Так мы и сделали, и Мистрисс Трендерс являлась изредка к нам навещать внучку, принося иногда безделицы деньгами и другим чем. Но два месяца после смерти матери старуха исчезла и мы не слыхали об ней с тех пор. Трудно было нам, еле-еле перебивающимся самим из-за куса хлеба, возиться еще с малым ребенком. Да нечего было делать. Вот раз я встретил на улице Дональда Ренлоу и, тотчас же узнав его, прямо подошел к нему и рассказал ему всё дело, как оно было, прибавляя, что он

¹¹ Апостола (*искаж.*).

¹² Павел (предп. 5/10–64/67) – апостол Иисуса Христа.

¹³ Далее зачеркнуто: *Тот.*

должен сделать что-нибудь для ребёнка, или ему придётся разделаться со мною. Немного потратил он слов со мною, так как, должно быть, смекнул, что было бы напрасно, и тут же отправился за мною к нам. На ребёнка он почти что и не взглянул, но нам оставил денег и обещался зайти опять в скором времени. Но в продолжение четырех лет был всего два раза и только и видали мы от него, что тридцать фунтов ст[ерлингов]. Так я и думал было уже, что никогда больше не поймаю его, и горько каялся, что дал ему улизнуть, не постараясь выведать адреса. Но месяца три тому назад я снова наткнулся на него и тихонько последовал за ним, стараясь, чтоб он не заметил меня, так как Дональд, видимо, спешил куда-то, держа в руке саквояж¹⁴, то я и догадался, что он уезжает из Лондона. Замешавшись в толпе на станции железной дороги, я видал, как он взял билет до Клоистергема. Тогда, вернувшись домой, я собрал кое-какие деньжонки и отправился по пятам его с следующим поездом. Приехав в Клоистергем, я стал наводить справки и узнал, что он живет постоянно там и что настоящее имя ему Джон Джаспер. После того, действуя по совету одного человека, я решился переехать жить в Клоистергем; грешный человек, сознаюсь в том, сэр, так как я рассчитывал этим добыть столько же выгоды для себя, как и для девчонки. Устроившись на новом месте, я недолго ждал и, став на дороге его, как он шел в Собор, подцепил молодца в самую пору и заставил его прийти к нам. Да, видно, и в этом деле дьявол перехитрил меня, так как денег-то дать он дал, а всё-таки заставил меня сослужить ему за это службу».

И Мистер Фопперти дополнил рассказ свой подробным описанием последнего посещения Джаспером в разрушенный дом грязного переулка.

Мистер Грейджиус не отвечал и молча сидел в глубоком раздумье, повертывая пальцами. Наконец он встал и, медленно пройдясь несколько раз по комнате, остановился перед следящим за ним Фопперти и отрывисто спросил:

«Вас – зовут?»

«Фопперти Педлар», – отвечает последний.

«И так, Мистер Педлар, я желаю теперь объяснить вам три вещи, – выставляя при этом три пальца правой руки и подымая в воздухе левую. – Во-первых, удостоверяю вас искренно в моей глубокой к вам благодарности за доставленные сведения, – и Мистер Грейджиус ударяет левой рукой по пальцу правой, палец исчезает. – Во-вторых, так как выходит из всего сказанного вами, что Дональд Ренлоу и Джон Джаспер суть одно и то же лицо, то следует поэтому предположить почти безошибочно, смею прибавить, что последний, то есть Музыкальная Особа, еще худшего рода негодяй, чем я думал доселе, полный распутных наклонностей и зачерствелости сердца, – и второй палец исчезает в свою очередь. – В-третьих и в последних, я твердо решаюсь употребить все старания свои к тому, чтобы разоблачить этого достойного джентльмена и, если возможно, передать его в руки правосудия по некоему другому делу. Для этого мне необходима ваша помощь с ясным уговором, конечно, между нами, что вы будете вознаграждены за потерянное вами время, насколько то будет мне возможно».

Рука Грейджиуса мгновенно сжимается в кулак, и он садится на прежнее место в ожидании ответа.

Глаза Фопперти исчезают для внутреннего совещания, и, появившись на прежнее место, владелец их отвечает:

«Можете располагать мною, сэр. Приказывайте, и всё будет сделано мною, что только возможно».

Мистер Грейджиус после минутного колебания, во время которого он, в свою очередь, совещается с горящими в камине угольями, вперив в них неподвижный взор, говорит:

«Вернитесь тотчас же в Клоистергэм, повидайтесь с нашим другом и скажите ему, что вы почти что открыли убежище Мистера Ландлесса. После этого, не забывая ни малейшего слова или действия его, возвращайтесь тотчас же сюда и приходите ко мне за дальнейшими инструкциями. Поняли ли вы меня?»

«Понял. Еще что?»

---

¹⁴ саквояж (*фр.* sac (de) voyage).

«Более ничего пока, кроме этой десятифунтовой ассигнации на ваши непредвиденные расходы, – отвечает Грейджиус, подавая ему деньги. – А теперь спешите назад».

Мистер Фопперти немедленно отправляется домой за поклажей и возвращается к вечеру в грязный переулочек, а Мистер Грейджиус выходит с целью совершить своё ежедневное посещение Розы.

Войдя в приёмную двух дам, он находит Мисс Туинкельтон в классической беседе с *Историей Римской Империи* и сидящую в обществе героев различных времен у окна. На вопрос его, где же Роза, почтенная девственница очень спокойно отвечает ему, что она сама имела намеренье спросить его об этом, так как Мисс Бёд ушла с час до завтрака и не возвращалась еще.

«Сказала ли она вам, что зайдёт ко мне?» – поспешно осведомляется Грейджиус с необычайной живостью в движениях.

«Да, – с грациозным достоинством отвечает Туинкельтон. – Она точно намекала мне об этом. Разве вы не видали еще Мисс Бёд, сэр?»

«Ах, Бог мой! Ах, Бог мой! – восклицает бледный джентльмен, предчувствуя смутно что-то недоброе. – Зачем же, если смею так выразиться, не пошли вы с нею?.. Очень, очень неосмотрительно это с вашей стороны, любезная моя лэди... И если, если... – прибавляет он, с ужасом вытаращивая свои бесцветные глазки, – если с нею, что случится, то укор должен будет пасть прямо на вас!»

Мисс Туинкельтон не падает от этих слов в обморок. Мисс Туинкельтон выслушивает даже очень стоически все эти упреки. Крепко прижимая к груди *Римских Героев*, как бы уверенная наперед в поддержке своих верных друзей, Мисс Туинкельтон принимает спокойный и горделивый вид, отвечая с холодным достоинством:

«Попрошу у вас позволения, Мистер Грейджиус, заметить вам, что я считала бы даже ненужным напоминать вам, а именно, что во всё то время, которое Мисс Бёд провела со мною в области науки под сенью тихих и спокойных стен “Дома Монахинь”, эта девица, находясь под моим личным присмотром, должна была чувствовать себя, без сомнения, обязанной к известному послушанию, равно как и подчиняться заведенным порядкам, основанным на самых высоконравственных понятиях о приличии. Но в эту минуту, сэр, власть моя не простиралась настолько, чтобы дать мне возможность воспрепятствовать вашей питомице выйти с целью благотворной утренней прогулки, и поэтому я заранее считаю себя совершенно огражденной от всякой ответственности во всех могущих произойти в будущем последствиях этой прогулки».

И окончив свою оправдательную речь, питомица древних классиков снова возвращается на свое прежнее место и открывает *Римскую Историю*, как бы надеясь найти в ней одобрение со стороны давно усопших героев.

Несчастный Мистер Грейджиус не отвечает ни слова, но продолжает беспомощно ходить по комнате, не зная, на что решиться. Лёгкий шорох за дверьми привлекает его внимание и он бросается к ним, смутно ожидая встретить Розу, но вместо того крепко сталкивается с воинственной Билликин, таинственно занятой какими-то домашними исчислениями насчет коридорного ковра, в самом близком соседстве с дверью. Увидя Мистера Грейджиуса, хозяйка встает, сильно прижимая руку к бьющемуся большому сердцу, и приветствует почтенного опекуна с обычной томностью:

«Надеюсь, сэр, что вы *звините*¹⁵, застав меня в таком положении, которое и произошло вследствие *абнаковенных*¹⁶ моих несчастных усилий влезать и слезать с лестниц с опасностью испустить свой слабых дух...»

«Не встречали ли вы моей питомицы сегодня?» – прерывает её Мистер Грейджиус.

«Быть может, – продолжает Билликин, не обращая внимания на этот вопрос под напором внезапного наплыва искренности, овладевающей ею, – быть может, мне и не следовало бы так откровенно выражаться, но не скрою от вас, сэр, что я питаю сильное подозрение насчет того, что в нашем городе оказывается всё менее и менее земли, так как если бы было больше её, то люди и не строили бы таких высоких домов с такими крутыми лестницами и мне...»

---

¹⁵ извините (*искаж*).

¹⁶ обыкновенных (*искаж*).

«Видали ли вы Мисс Розу? – кричит на этот раз уже Грейджиус. – Куда она ушла?..»

«Не понимаю, *почему* меня спрашивают об *эфтом*¹⁷ и именно *меня*, – отвечает обиженная его тоном Билликин, – ответа, сэр, я не намерена давать».

И она складывает руки на груди и смотрит на Грейджиуса в упор с видом древней мученицы, влекомой на костёр.

«Спрашиваю я вас, сударыня, – отвечает падающий духом джентльмен, – потому что Мисс Бёд, вышед из дому сегодня рано, еще до завтрака, не возвращалась после того, поэтому вы могли её встретить».

«Не стану обманывать вас, сэр, – отвечает Билликин, – и буду с вами откровенна вполне. Нет, сэр, я не видала молодой лэди сегодня. Но есть другие прочие, – продолжает она, целясь в невозмутимо сидящий Бриг, – которые *должны* были знать об этом, по крайности, если они не воруют получаемых капиталов за требуемый присмотр. Но так как я не шпион и не *антересанка* и не сую носа в чужие дела, – презируя такие низкие низости и давно *оставимши*¹⁸ их приезжим из “Семинарий для благородных девиц”, – то и откровенно признаюсь вам еще раз, что не знаю ничего об вашей молодой лэди».

Злополучный Мистер Грейджиус схватывает свою шляпу и убегает на поиски, предоставляя Мисс Туинкельтон разделяться самой за Билликинские намёки.

Долго бегаёт он по всем соседним улицам и закоулкам, расспрашивая прохожих и повергая в неописанное удивление флегматических торговцев, изучающих людские нравы с высоты своих порогов, своими непонятными отрывистыми фразами. Всякому из них почтенный опекун оставляет подробное описание пропавшей молодой лэди и адрес собственного жилища, обещая самые щедрые награды за какое-либо известие, которое поможет к ее отысканию. Смутные картины утонувшей Розы и Розы с отчаянием выбивающейся из объятий свирепого влюбленного Джаспера представляются воображению Грейджиуса, и вечер застаёт его тупо глядящим в грязные волны Темзы с высоты Ватерлооского Моста¹⁹. Наконец, выбившись из сил, насилу держась на ногах, он машинально возвращается домой и, бросившись в кресло, раздражается горькими старческими рыданиями. Таких слёз не проливал Грейджиус с самого того дня, как двойник Розы в далёком прошлом исчез из глаз его навеки, уносимый золотыми волнами таинственной Реки, отделяющей землю от Неба.

---

¹⁷ этом (*искаж.*).

¹⁸ оставивши (*искаж.*).

¹⁹ Мост Ватерлоо (*англ. Waterloo Bridge*) – мост через Темзу в Лондоне.